

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3769039>

Шансов недостаточно

Направленность: Гет

Автор: [Hermonthis](#)

Переводчик: [Avitale \(https://ficbook.net/authors/507617\)](https://ficbook.net/authors/507617)

Оригинальный текст: <https://www.fanfiction.net/s/2876313/1/Chances-Aren-t-Enough>

Беты (редакторы): Марлюшка (<https://ficbook.net/authors/281699>)

Фэндом: Angel Sanctuary

Пейринг или персонажи: Сара/Сэцуна

Рейтинг: R

Жанры: Ангст, Драма, Психология, Даркфик, Hurt/comfort, Первый раз

Предупреждения: **Инцест**

Размер: Мини, 4 страницы

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Если он не сможет быть с ней в этой жизни, она подождёт его в следующей. Ваншот, сфокусированный на их отношениях.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Примечание к части	6

Часть 1

Для них не будет никаких счастливых концов, таких сказок не бывает.

Однажды он сказал своему другу, что всё, что он знал, — лишь страдания. Тот ответил:

Всё, что ты знал, — это боль.

Его друг забыл упомянуть тот факт, что сам он страдал в разных жизнях гораздо больше, чем будет в этой, и то, что он пережил, он был обязан вынести, причем всегда оставаясь лишь в тени.

До тех пор, пока не появилась она. Она была причиной тому, к чему он всё это привёл, она была катализатором, который направил все небесные существа на войну, планированную веками. Всё из-за одной женщины-ребёнка, всё из-за юной девушки.

Лилит и Еве стоило бы гордиться ею — действия Сары Мудо повлияли на всех. Даже он, хранитель *Единственной Павшей*, был ей верен определённым запутанным образом, потому что она была той, кого он выбрал. Сара была невестой, которую они боялись, презирали, которой они будут обязаны.

Но в разуме Сэцуны они всегда принадлежали друг другу, они были близки. Их истории не так уж отличались, её и его, и когда судьба попыталась разделить их вопреки их воле, они знали, что не допустят этого. С этого момента их никогда больше не разлучат, они никогда не будут осуждены в чужих словах. Небеса будут плакать слезами горечи и огни ада потухнут от их действий, потому что таково их желание.

Но сейчас они были одни. Приглушённые огни города были не в состоянии осветить тёмную комнату и тех, кто в ней спрятался. Дверь была закрыта, телефон и телевизор — выключены. Они изолировали себя от мира, который сам отстранился от них за то, кем они были. Помятые простыни рассказывали истории тех, кто был тут до них: те же разочарования, те же секреты, та же страсть, что могла подорвать веру в то, что считалось неправильным. Предметы одежды сползли с края кровати и падали на пол, испытывая ревность оттого, что их хозяйева так неожиданно скоро отреклись от них, словно ждали этого вечно. Время затаило дыхание настолько, насколько это было возможно этой ночью, даруя влюбленным ту единственную благодать, какую они знали, прежде чем предать их.

Он укусил её кожу и почувствовал, как ускорился пульс, когда она застонала под ним, и он знал, что она была счастлива. Даже когда она снова и снова произносила его имя мягким и напряжённым шёпотом, гладила его тело своими проворными маленькими руками, она знала, что это именно то, чего он всегда хотел. Он хотел *любить* её, *быть* с ней, *прикасаться* к ней там, где её ещё никто не касался и никогда не коснётся.

Он был единственным, кому она позволяла делать это с собой, единственным существом, сумевшим заставить её так задыхаться и кричать. Продолжить желать ещё, *ощущать*. Не сдерживать крик, когда он вновь вонзался в неё со всей неистовой сексуальной страстью, которой обладал. Сара была влюблена в него, и их счастье было всем тем, чего

они хотели.

Когда они впервые приехали в отель, он с сомнением прилёг рядом с ней, переживая, что его подавляемая животная натура запятнает её так, что этого никак нельзя будет изменить. Но, к его удивлению, их любовь была сильна, так что они с радостью отказались от своей невинности.

В кровати было тихо. Было больно. Так что она предложила ему положить голову себе на колени и продолжила тереть его волосы руками, принимая в себя все его переживания и страхи, какие только могла. Её длинные косы были распущены, и вскоре уже он гладил её волосы и сжимал её в своих руках. Улыбнувшись ему предназначенной лишь для него одной улыбкой, она положила голову на подушки и закрыла глаза, шепча слова, которые, как она знала, были правдой. Слова, несущие в себе обещание и боль.

Поцелуй меня.

И он поцеловал.

Он взглянул на неё с сомнением, и она подумала, что всё будет кончено, если они вернутся назад в то место, что называли домом. Коснуться её руки, накрыть ртом её рот — это то, что он хотел сделать миллионы раз, в миллионах различных комнат, миллионами различных способов. Но он не знал, что она тоже этого хотела, возможно, даже сильнее, чем он, но скромная и чистая аура этой женщины-ребёнка дала ему небольшой намёк на её тёмную сторону.

Она вздохнула, когда они разняли губы. Она приподняла голову с подушки, чтобы снова коснуться его губ своими, и он заколебался и отстранился, поддавшись сомнениям. Он всегда так поступал — двигался вперед, а потом отступал. Так не уверен в себе.

Не выпуская его руки из своей, она села и коснулась другой рукой его глаз. Потом последовал другой поцелуй, прежде чем он позволил ей положить голову себе на плечо. Она чувствовала, каким напряжённым было его тело, когда оба их сердцебиения ускорились, и, решив всё за доли секунды, он поцеловал её снова. В этот раз сомнений не было.

Он любил её. Он говорил, что любит её, прежде чем осторожно уложить на простыни. Он сказал, что всегда будет любить её, когда осторожно лёг на неё, когда её руки двинулись вдоль его рубашки и обхватили грудь. Сэцуна закрыл глаза и глубоко вздохнул при виде женщины, лежащей под ним. *Его жена*. Он говорил, что всегда будет любить её, когда аккуратно снимал с неё голубое платье, за которым быстро последовало нижнее бельё и бюстгальтер, и покрывал её тело поцелуями, которые заставляли её вздыхать. Его руки опустились к её талии, ниже, и её голова расслабленно откинулась на подушки. Её задыхающийся шёпот был похож на медленно горящий огонь. Тёмно-карие глаза встретились взглядом с его глазами, рука коснулась его лица, любовно лаская щёку, прежде чем она скрылась под его рубашкой.

С его одеждой было покончено так же быстро. Каждая вещь была снята и сброшена на пол. Для того чтобы отбрасывать тени на стены, света было недостаточно, но движений

их силуэтов на кровати хватало для того, чтобы понять, что было дальше. Её волосы веером легли вокруг головы, тело поднималось и опускалось в заданном им ритме, его губы всякий раз заставляли её задерживать дыхание так, как могли только они. Их ноги переплелись, словно два зимующих змея. Она обхватила руками его спину, и её ногти оставляли тёмно-красные полосы на его коже, пока он щедро ласкал её грудь. Она вновь откинула голову на подушки и громко застонала, нарушая уединение этой комнаты. Сара решительно прикусила нижнюю губу. Не сейчас, пока они не сдались.

Больше двигаться было некуда, кроме как вниз.

Быть грешником — значит отказаться от Создателя, а отречься от Создателя — всё равно, что приговорить себя к смерти и загробной жизни. Но в чём тогда смысл, если единственное идеалистическое представление любви сдерживается оковами чьих-то правил? Они не ваша собственность.

Они были обвинены в непристойности и осуждены. Они были изгнаны, обруганы, отвержены. Даже разлучены с собственной свободной волей. Так кто из них на самом деле грешник? Они пытаются это понять, но не могут. Они отринули покой.

Слёзы свободно текли из их глаз; они собирались заплатить за свои грехи.

Знала ли она, что умрёт? Знал ли он, что она отдала всё и даже больше, чтобы быть с ним? Сара не была испугана, когда они встретились той ночью, и Сэцуна зашёл к ней в комнату проведать её, когда она была ранена. Тогда они не сказали друг другу ничего из того, что хотели сказать, но им было страшно от того, что случилось бы, если бы они всё-таки сказали. Они не могли произнести это вслух — не в присутствии кого-либо.

Но тут их никто не видел.

Она чувствовала, как его взгляд наносил многочисленные татуировки на её нетронутой коже, и эти блуждающие губы никогда не заходили слишком далеко. Её руки двигались и расходились, и когда она прижимала его ближе к себе, она чувствовала, что это было правильно, это всегда было правильно.

Его рука сомкнулась вокруг неё, его рот коснулся её незащищённой шеи, и до её головы дошёл сладкий прилив адреналина, который только затруднил дыхание. Она в предвкушении поджала пальцы ног, когда он назвал её по имени, держа веки полуприподнятыми. Её тело изгибалось и терзалось от удовольствия, наслаждалось тем, как его горячее тело доводило её до экстаза. Этого было достаточно, чтобы избавить её разум от страданий, которые оба познали, его фрикции — *дразнящие* — вновь усилились, и оба застонали громче. Звуки, застывшие на его языке, рассказывали эту историю слишком хорошо. Её кожа плавилась вместе с его.

Любовь.

Её бедра были там, где они не должны были быть. Его руки не выпускали её рук.

Вспышка.

Меня зовут Сара Мудо, и я влюблена в Сэцуна. В Сэцуна Мудо, который всегда был влюблён в меня, даже прежде чем я сама осознала, чем были те чувства, что я испытывала к нему; кто всегда был рядом, чтобы позаботиться обо мне, присмотреть за мной, сделать меня счастливой. Но он мой брат.

Сэцуна Мудо, чья судьба предназначила ему более высокую цель, нежели он хотел в этой жизни.

Сэцуна Мудо, который хотел лишь мира своей душе.

Сэцуна Мудо. Желаящий счастья.

Сэцуна Мудо. Желаящий любви так сильно, как никто другой.

Сэцуна Мудо. Разыскиваемый преступник*.

Каким странным должен быть мир, чтобы принять обе их жизни и воссоединить их в следующих жизнях, неважно где. Чтобы забрать её в результате несчастного случая, заставить его потерять ту единственную, кого он обожал в этом существовании.

Чтобы узнать, что ему было суждено вечность проживать несчастливую жизнь. Её конец означал его конец, но её действия всегда были непредсказуемы. Они были недостижимы для любви, он был недостижим для её любви. Сэцуна. *Судьба*, как они называют её. Это было слишком, это должно было измениться.

Он положил её израненное тело, её глаза были закрыты, а кровь из сердца окрасила асфальт в темно-малиновый, и не было таких слов, что могли бы его утешить. Он должен пойти с ней, он должен вернуть её из подземного мира, и не дай бог он её потеряет.

Бог не был на его стороне. Бог должен был слушать.

Мир не знал, какую боль они испытали в этой жизни, и продолжал их игнорировать. Они решили судить павших и верить в благодать, но даже они не были мудры. Момент его истинного счастья — момент её истинного счастья — был подарком перед неизбежной трагедией, которую они должны были познать. Разве было бы иначе, если бы она решила оставить его, а он решил никогда больше не встречаться с ней? Он не мог знать.

*Aishiteru**.*

Если он не сможет быть с ней в этой жизни, она подождёт его в следующей.

Примечание к части

* Игра слов: wanted happiness (желающий счастья), wanted a love like no other (желающий любви так сильно, как никто другой), a wanted criminal (разыскиваемый преступник).

** Aishiteru (яп.) — люблю.